

- Уезжая, вы сочли нужным объяснить: почему и от чего. Говорили про Бродского и про молоко, помните?

- Да не про молоко, не про молоко, а про детское питание. Сын у меня тогда родился, Мишка. И Анька, жена, мне говорила каждую неделю: "Иди, покажи лицо..." Я приходил на Люсиновскую, в магазине - пустые полки. Я шел к директору. Показывал лицо. Он говорил: "А, Козаков... Чего тебе надо?.. Маш, давай, отпусти, вон, венгерское там есть..." Я набивал сумку и шел обратно черным ходом, матерясь, а с белого хода мне выйти было нельзя: там ходили вокруг пустых прилавков мамочки с колясками. Потом я ехал еще куда-то, к какому-то другому директору магазина, ненавидел его, ненавидел себя и говорил: "Будьте любезны..." и думал, почему я в 56 лет, отработав здесь хрен знает сколько, должен вот так... Никакого кино тогда не снималось, никуда меня не звали, я сделал программу Бродского, прочитал ее восемь раз - больше не понадобилось... И решил ехать. О чем и считал долгом сообщить широкой общественности.

- Тогда казалось, что в необходимости отъезда убеждаете вы не столько общественность, сколько самого себя. Хотя бы по прошествии пяти лет вам удалось это сделать, или вы до сих пор...

- До сих пор. Это до конца жизни. Я на это обречен. Тут сидел и думал: ехать? Не ехать? Там сижу и думаю: а правильно ли?.. Загибаю пальцы на правой руке - плюсы. На левой у меня - минусы. За быть я спокоен, он там такой удобныйкий провинциальный быт, с московской точки зрения - незыблемый... За детей я Израилю благодарен. Мишка в школу ходит, а школа в двух шагах, и у двери там дядя с пистолетом, который будет его охранять от террористов, если те проникнут. Зойку, ей пять месяцев, я в коляску кладу, выкатываю в соседний сад, качаю и роль учу. И памперсы недорого стоят... Но тут уже можно и на левой руке палец загнуть, потому что, хотя дома мы говорим, конечно, по-русски, и Мишка русский знает, но когда к нему приходят играть мальчишки - русские же! - то они между собой играют на иврите. И иногда задает такие вопросы: "Поле, ручеек, снег - что это?" Ну снег, допустим, он видел. А про поле и ручеек спрашивает.

- В Израиле нельзя увидеть поле?

- Нет. Поляну еще можно, а полей нет. И ручейков нет. И я начинаю объяснять, что это такая узенькая речка, ма-а-аленькая такая, понимаешь? "Понимаю," говорит. Но через какое-то время ему, боюсь, легче будет говорить на иврите, чем на русском... Жаль. Потом я про плюсы вспоминаю. Зато ты, говорю я себе, тут читать больше стал, толстые книжки, и с большим удовольствием. И в самом деле читаю. Студенты там мои меня согревают иногда... А потом, приезжают же люди!.. В Израиле, кстати, проще гостей принимать. Тель-Авив - маленький город, заехал на машине, забрал друга, привез домой... Или в кафе засели тихое, где никто не мешает... Нет, я вижу там наших, из Союза, абсолютно счастливых. Ну жил человек раньше где-нибудь в Полтаве, или Донецке, или Бендерах. И был он хороший плотник. Вот только мучило его отсутствие в этих Бендерах детского питания. Теперь он приехал в Тель-Авив. Тут есть это чертовое питание. Есть море. Вообще - это столица. И он отличный плотник. Поди ему плохо!

Гамлет, принц советский

Козаков приехал и репетирует. Каждое утро приходит в Дом актера на Арбат, соает пальто и репетирует, а гардеробщицы за него очень переживают. Они говорят, он так много курит. Они говорят: извините, Михаил Михайлович, тут курить не положено. Он все равно курит. Они говорят, до отъезда в этот Израиль он выглядел лучше, а теперь похудел, нельзя так много курить.

- А вам?..

- О! А у меня есть один огромный минус, который сразу на два... нет, даже на три пальца тянет. Дело в том, что я - русский артист. Я не знаю толком, кто я такой по национальности, формально во мне три крови: еврейская - от отца, греческая и сербская - от матери, в израильском паспорте в соответствующей графе у меня (на иврите!) написано "русский"... И еще написано - "нопри" - христианин. Но на самом деле национальность у меня советская. Кто это хорошо сказал, что все мы из страны Гайдара, только не Егора, а Аркадия? Так и есть, так и есть... Советская национальность, а культура - русская. Мне нужна русская среда. Русская речь... Я до сих пор, ставя со студентами в театральной школе спектакли на иврите, ловлю себя на мысли, что притворяюсь, говоря на этом языке. Бред собачий, что я выговариваю!.. Знаете, справа налево писать не так трудно, а вот то, что этими рыболовными крючками... вместо букв... Ужас!

- Если на пальцах сложить все ваши плюсы и минусы, получаются сжатые кулаки...

- Получаются. Крутись, вертись, успевай, зарабатывай, ты не один, у тебя семья, шесть человек: двое детей, двое родителей (Анины)... Я играю там на иврите, я играю по-русски, но наша алия - то есть русскоязычная эмиграция - это всего 700 тысяч человек, и половина из них - старики, дети, туркмены и вообще люди, не любящие театр. Для кого?! Плюс к тому там конкуренция жуткая, Тель-Авив - это же шестнадцатая республика несуществующего Союза, фестиваль нон-стоп: там сейчас Табаков на гастролях, Юрский едет со "Стульями", едет Виктюк... Придет ко мне публика? Не придет? Я всегда, когда ставлю, волнуясь. Прошлые наши спектакли себя оправдали, а этот? А следующий?.. Я психую страшно. За завтрашний день не так, сильнее - за послезавтрашний. Вот с сердцем было плохо - все, думал, привет...

- И рискнули родить ребенка?

- А вот это Аня рискнула. Я говорю: Ань, ну куда, страшно ведь? А она говорит: не хочу, чтобы Мишка рос один. Ей 37, имеет право... Родилась Зойка. Я уже по ней тут скучаю, скучаю... Самойлов правильно сказал: поздние дети спасают нас от старческого эгоизма.

- У вас - старческий эгоизм?

- А как же... Мне же уже 61. Это много, много. Ты уже бережешь себя. Тебе уже очень больно все. Больно обмануться. И вдруг начинаешь замечать, что жал-

ко тратить время. Раньше его в запасе было много, потрелялись, посидели, вечер ушел - ну и пусть, ну и подумай, следующий придет. А сейчас зовут в гости, а я уже знаю, что они скажут, знаю, чего от меня ждут... Неинтересно. Мне того же Самойлова бы послушать: что бы он сказал, если б эту роль мою увидел? а эту книгу прочитал? А этот мой поступок как бы оценил? А его уже нет. И Тарковского-отца нет, а я его знал с детства, мне

12 лет было, когда я с ним познакомился на Рижском взморье, и потом бывал у него еще дома на Аэропортовской, а потом на Садовом... Видите, какая банальная история произошла со мной: те, с кем дружил, их нет. Они или умерли, или уехали, или... очень погрустнели.

- Приезжая в Москву, вы не чувствуете своей неприкаянности?..

- Я теперь везде ее чувствую. Мотаюсь, как Агасфер, все какие-то опыты над

собой проделываю... Одиноким волк с кучей чад и домочадцев. Здесь все тоже крутятся, крутятся, устают, у всех заботы, и даже с Галкой Волчек я до сих пор не виделся, только созваниваемся - то она на даче, то ставит, то я работаю... Вот мы тут репетируем, и я рад, что есть круг людей, и что эта пьеса - комедия английская, Ноэля Коурда, "Необыкновенный сеанс", ее Миша Мишин для нас перевел, - нас объединяет. А в Питере был, играли "Возможную встречу" (с успехом, могу похвастаться) в Театре Комиссаржевской, и такая у меня вдруг мысль появилась: а может, мне в Ленинграде квартиру купить?.. Я же там родился, я ленинградец... И тут в Москве... все же родное. И кладбища родные - Востряковское, где мама, и Введенское, где отец... Я так любил по Москве ходить, почему и снимал "Покровские ворота" - идешь и кайфуешь... Я и сейчас хожу пешком после театра, в ночи... Прохладненько, но мне нравится. Но того кайфа нет. Оказывается, хорошо гулять, когда навстречу - расслабленные лица. А если вместо этих лиц видишь, как кто-то копаётся в урне, а кто-то гонит на супер-шмупер машине... то это как-то немножко странновато, и думаешь: "Надо скорее домой..." Сажусь в троллейбус: 10-й или "Б"... У меня единый...

- Сразу в Израиль хочется?

- Нет, не хочется. Хочется работать. Может быть, во МХАТе наконец буду ставить "Чуму на оба ваших дома" Гриши Горина... Читали? Это продолжение "Ромео и Джульетты". Плюс Гриша, как всегда... По театрам я здесь бегаю, за кулисами ходил... Интересно, все интересно, здесь нормальная театральная жизнь, по кото-

рой я там так изголодался. Здесь ясно, для кого. И процесс идет, вот "Золотую маску" вручали и, вообще, люди собираются вместе, что-то друг с другом обсуждают...

- Это в вас тоска по "современниковским" временам говорит?

- Да, говорит. Да, говорит. А что вы хотите? Я однажды пережил счастье, когда театр был властителем дум... Это как жираф. Жираф - как успех, а успех - как жираф. Вот видел однажды жирафа, и никогда его не перепутаешь ни с чем... Вот сыграл однажды Гамлета - и все остальные роли и пьесы уже для тебя будут "не Гамлет".

- Вы думаете, Гамлет все-таки вечен? Ну что там такого, ну быть, ну - не быть...

- О-о! Нет. Там все. Все. Хотел убить короля - убил отца любимой девушки... С матерью гениальные отношения - эта любовь и ненависть... и отец, которого он обожал, и друзья, которые предадут, и размышления о театре, и этот дотошный самоанализ, и сам факт, что это возможно - сильный человек, который занимается самокопанием... Там все проблемы - вечные, вопрос, как поставить... Някрошус вроде собирается делать "Гамлета" с Меньшиковым. Я бы с удовольствием там сыграл короля. Или Полония. Да хоть первого могильщика...

- А совсем вернуться?..

- Страшно. Может быть, я трус, но... вы знаете, в литдраме моей любимой на ТВ ребята четыре месяца зарплату не получают. А артистка Зайцева, замечательная артистка, в Театре киноактера получает 40 тысяч в месяц. Недавно ее Марцевич в "На дне" занял, она получила 250 и была счастлива... А самая дешевая пицца в соседней "Пиццерии", как я недавно выяснил, стоит 30 тысяч... Что бы я делал? Страшно детей сюда везти... Торговать я не умею, я могу только ставить пьесы, играть роли, стихи читать... Хотя, наверное, рекламировал бы что-нибудь... Какой-нибудь пылесос или самосвал... В общем, был бы я один - вернулся бы. Хотя, начнем с того, что был бы один - никуда бы и не уехал... Ну вот, все. Уехал бы - не уехал бы...

- Вы еще что-нибудь в своей жизни так долго обдумывали? Какой-нибудь из разводов, например?

- Я вообще склонен все обдумывать. Особенно постфактум. У-у, любимейшее дело. Я вторую книжку написал. Назвал - "Третий звонок". Там я все время прыгаю в прошлое и пытаюсь выяснить: кто же я такой, как же так странно сложилась моя судьба?.. И в одной главе отдельно разбираюсь со своими многочисленными жеманствами. Ну почему, почему у меня всегда были такие блистательные начала, такие страсти и такие ужасные концы?.. Я, наверное, очень трудный человек и... может быть, Валька Гафт со своей подлой эпиграммой прав?.. Не умею быть счастливым. Никогда до конца, к сожалению, счастлив не был...

- Никогда?..

- Ну... Иногда бывает. Проснешься... У тебя спектакль какой-нибудь получился. Или тебе кажется, что получился. На море пошел, искупался. Зашел в кафе, потрелялся с официанткой милой. Заказал омлет, кофе выпил, трубочку закурил... Достал песку, над которой раздумываешь с надеждой поставить... Друг приехал... Зойка улыбнулась... Вот и хорошо. Но это редко...

Яна ЗУБЦОВА, Юлия ФРИД
Фото Эдуарда Лаповка